

К ВОПРОСУ О РОЛИ КОЛОНИЗАЦИИ В ПОЛИТИКЕ «РУСИФИКАЦИИ» СЕВЕРНОГО КАВКАЗА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX — НАЧАЛО XX В.)

Е.И. КОБАХИДЗЕ

В активной правительственной политике «обрусения» кавказской окраины действия административно-правового характера в течение всего периода проникновения империи в регион тесно переплетались с мероприятиями по колонизации здешних территорий, результатом которых стало не только хозяйственное освоение мигрантами местных земельных угодий, но и изменение его социально-демографического фона.

Со строительством укрепленной линии у правительства Екатерины II появилась прямая заинтересованность в колонизации Кавказа русским населением, что должно было послужить «достаточным основанием к будущему гражданскому развитию» края [1, II, 148]. Поощряемая правительством широкая колонизация региона (см.: [2, 7]) вела к появлению здесь, вслед за казаками, русского населения, переселявшегося из Центральной России [1, II, 147]; российская дворянская элита получила новые поместья (за двадцать лет — с 1785 по 1804 гг. — помещикам из центральных российских губерний было роздано уже 160 тыс. десятин предкавказских земель [3, 33]); терское, гребенское, а затем и кубанское казачьи войска, «как сословия служилые», составляли уже «передовой форпост»

на южнороссийских рубежах [1, I, 22; II, 147].

В целом в дореформенный период в общем потоке колонистов заметно преобладало военно-казачье сословие, поселявшееся на плоскостных землях Предкавказья (см., например, Положение Комитета министров «О наделении землями казаков, на Кавказской линии поселенных» от 11 декабря 1823 г.: [4]). Именно с казачеством изначально связывались колонизационные задачи правительства на Кавказе. Однако, несмотря на традиционное предпочтение казачьего переселения, «Положением о заселении предгорий западной части кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России», принятым 10 мая 1862 г. (см.: [5]), правительство открывало путь и для заселения территории, правда, пока только одного из субрегионов Кавказа, государственными крестьянами. Новый закон от 29 апреля 1868 г., дающий «Русским подданным не войскового сословия» право «во всех без изъятия казачьих войсках... приобретать в собственность существующие на войсковых, городских и станичных землях дома и всякого рода строения, на общем основании, не испрашивая согласия ни войскового начальства, ни городского или станичного общества» [6], открыл широкую дорогу крестьянскому переселенческому движению. И уже с конца 60-х гг. XIX в. военно-казачья колонизация Северного Кавказа стала сочетаться с крестьянской, чему

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект №12-01-00052 «Иностранный вопрос» в Российской империи и национальная политика советского правительства на северокавказской периферии в 80-е гг. XIX — 30-е гг. XX в.: эволюция проблем и решений».

в большой степени способствовала государственная политика, нацеленная на скорейшее заселение края «русским элементом» после окончания Кавказской войны.

Получив государственную легитимацию, стихийное переселенческое движение на Кавказ приобрело размах и тесно переплелось с колониционными процессами. Предполагаемый «русифицирующий» потенциал переселенцев из российской глубинки должен был не только «усилить» русскую составляющую в населении края, но и, как считалось администрацией, оказать «немаловажное нравственное воздействие» на местных жителей. Соответственно поставленной задаче законы и положения о переселении на Кавказ русских поселенцев из центральных губерний страны, принимаемые уже в 80-90-х гг., имели целью «укрепить» русское население региона. Отныне переселение стало носить исключительно крестьянский характер, существенно дополняя военно-казачью колонизацию, поскольку на Кавказе, в отличие, к примеру, от азиатских окраин Российской империи, где переселявшееся население обладало собственным миграционным потенциалом, стремясь решить свои частные проблемы, переселенческое движение крестьян по-прежнему отвечало сугубо политическим целям правительства, решавшего задачи расширения «русского пространства» империи (см., например: [7]).

Официальное разрешение крестьянской колонизации сказалось на ее темпах, и в течение 60-х гг. число иногородних (т.е. лиц, не принадлежащих к казачьему сословию и проживавших на войсковой территории) в Кубанской области увеличилось в четыре раза, составляя 5,2% ее населения [8, 327].

После военных сословий именно российское крестьянство (помимо горского населения Терской области), переселившееся в область из внутренних губерний России, занимало первое место по численности. Уже по данным 1873 г. процент русского населения по отношению ко всему населению Предкавказья (Северного Кавказа) составлял 68,6%, причем в Кубанской области и Ставропольской губернии русские, а также украинцы и белорусы составляли соответственно 86,9% и 77,4% [8, 327]. В целом в «золотые» в истории земледельческой колонизации Северного Кавказа 70-е гг. (см.: [9, 93]), когда край превратился в ведущий заселяемый регион России, его население увеличивалось стремительными темпами: в этот период сюда прибыло в целом почти 350 тыс. мигрантов [9, 96]. И уже к 1876 г. численность населения региона (за счет механического прироста) достигла уровня 1858 г., предшествовавшего массовому оттоку мусульманской части жителей края в Турцию [9, 96].

В первой половине 70-х гг. в Терской области водворилось 70 тыс. чел., в Ставропольской губернии — около 80 тыс. чел., в Кубанской же области — 175,4 тыс. чел. В результате миграционных потоков из центральных районов России и ближайших регионов (Новороссии, Левобережной Украины) удельный вес русского и украинского населения в общей массе населения северокавказского региона заметно вырос: доля русских в 70-90-е гг. увеличилась с 30,5 до 36,9%, украинцев — с 23,3 до 29,4% [9, 100].

Судя по данным Кавказского статистического комитета, если только в Терской области в 1876 гг. население составляло 530980 чел., то к 1882 г. возросло уже до 606503 чел. Для Кубанской области, которая в то время была

Таблица 1.

	Округа Терской области				Владикавказский округ			
	1891 г.	1895 г.	1897 г.	1899 г.	1891 г.	1895 г.	1897 г.	1899 г.
Крестьяне		25509	31654	42477		1880	3424	3774
Горское сельское население	94294	414190	421595	427932	84760	85036	87905	91094

Примечание: Таблица составлена на основании данных ведомостей о народонаселении Терской области, имеющих в отчетах начальника Терской области за указанные годы.

самым заселяемым регионом России, положительная динамика численности населения оказалась еще более выражена: 831740 чел. — в 1876 г., 1084531 чел. — в 1882 г.¹ При этом полученные комитетом данные даже считались заниженными по сравнению с действительностью [10, 99].

Средняя плотность населения в Терской области также была достаточно высокой — 563,97 чел. на 1 кв. милю или 9,9 жителей на 1 кв. км [10, 105, 106]. Но хотя представители статистического комитета и полагали эти цифры не столь высокими в сравнении с европейской Россией, особенности рельефа местности и недостаточность, особенно в нагорной полосе, пригодных для сельскохозяйственных нужд площадей и эти показатели делали довольно красноречивыми.

Усилившееся к концу столетия переселенческое движение в Терскую область вело к тому, что прибывавшие крестьяне «все более и более» заселяли «свободные земли во всех углах области, занимая как казенные, так и частновладельческие участки» [11, 17].

В целом демографическая нагрузка на Терскую область возрастала с каждым годом: например, в 1899 г. во всей Терской области насчитывалось уже 98276 крестьян и 529355 представителей горского населения (см. табл. 1).

¹ Отметим, что показатели механического прироста населения заметно опережали цифры естественного прироста (см. табл. 57-61 в кн.: [9, 192-197]).

Через 10 лет, к 1909 г., в областях Северного Кавказа проживало уже более одного миллиона душ «иногородних» (называемых так по старинке, хотя еще в 1872 г. это понятие было заменено определением «лица невоевского сословия» — см.: [8, 338]), ожидающих своего земельного устройства [12, 43].

Аграрное перенаселение края привело к тому, что в начале XX в. из объекта колонизации Северный Кавказ превращается в регион, выбрасывающий значительное число мигрантов в Сибирь и Казахстан [9, 102]. Правительство вынуждено было отреагировать принятием ряда законодательных мер (в 1897, 1899, 1900 гг.), регулирующих переселенческое движение на Кавказ и направленных на немедленное рассредоточение переселенцев Кавказского края в его менее заселенные районы (преимущественно Закавказье и Дагестанскую область), хотя мнение о необходимости и желательности заселения Кавказа «с точки зрения общих интересов государства» сохраняло свою особую актуальность в соответствующих ведомствах (см., например, переписку министра внутренних дел И.Л. Горемыкина с министром земледелия и государственных имуществ А.С. Ермоловым: [13, 558-562]), привлекая внимание самого императора [13, 567].

Возврат к ограничительному характеру переселенческой политики правительства на рубеже столетий выразился

в принятии более жестких условий для переселения на Кавказ, определенных как истощением земельного фонда районов Предкавказья, так и переизбытком на Северном Кавказе, главным образом в Кубанской области, необустроенных безземельных иногородних. Вместе с тем выработанные в свете новых тенденций временные правила, регулирующие переселенческое движение на Кавказ и составившие основу Положения Комитета министров о разрешении переселений в Ставропольскую губернию и местности Северного Кавказа, утвержденного 15 апреля 1899 г., давали преимущества русским крестьянам исключительно православного исповедания, которым предоставлялся для заселения «весь свободный наличный запас казенной земли, не состоящей в отводе казенных крестьян», причем пригодность сдаваемых в аренду участков должна была определяться с учетом прежде всего интересов самих переселенцев и независимо от земельного положения «туземных поселен» [8, 332-333].

Но несмотря на пониженные в целом темпы колонизации кавказских земель на рубеже XIX-XX столетий этот процесс продолжался: с 1897 по 1916 гг. здесь осело 427 тыс. чел.

Администрация края была убеждена, что внимание к нуждам переселенцев и содействие местной власти к «водворению их в известной последовательности — так именно, чтобы целая сеть русских хуторов разъединяла сплошную массу инородческих поселений, — должны служить одним из лучших средств для упрочения в области русской культуры и гражданственности» [14, 27], а поселение крестьян из внутренних российских губерний «крупными благоустроенными селами, с церквями, школами, торговлей и промышленностью, несомненно, ускорит

умиротворение области» [11, 17]. Одновременно кавказская администрация была озабочена решением вопроса о предоставлении земель русским переселенцам, исходя из того, что «переселенческое дело на Кавказе составляет неотложную потребность настоящего времени» (цит. по: [8, 332]).

Однако отсутствие внятной программы колонизации, которая бы учитывала адаптационные возможности переселенцев, наряду с ощутимым малоземельем препятствовали скорой реализации правительственных планов. Одновременно с заселением региона «иногородними» нарастал процесс обезземеливания местных крестьян, сопровождаемый уменьшением земельного надела на 1 м. душу. Так, на плоскости в 1892 г. в среднем на душу приходилось 5,1 дес. удобной земли и 5,4 дес. — неудобной, в то время как продовольственная норма, к примеру, для Осетии, составляла 11 дес. уд. земли на 1 м.д. [15, 36]. А в 1906 г. эта доля составляла уже 4,5 десятины для осетин и 4,3 десятины — для ингушей, для чеченцев — 5,1, для балкарских крестьян — в среднем 17,8 десятин, кабардинских — 6,2. Особенно остро земельный голод, от которого одинаково страдали все жители нагорной полосы Терской области, ощущался в сравнении с кажущейся обеспеченностью земель казаков, изначально наделявшихся повышенным в сравнении с окружающим населением земельным паем, который рассматривался в качестве компенсации за их пожизненное военнообязанное положение. К примеру, казачество, составлявшее в первые годы XX в. около 20% населения Северного Кавказа, владело более чем половиной пахотных угодий, при этом на одну мужскую душу казака в том же 1906 г. приходилось 16,5 десятин удобной земли [16, 19]. Но в действительности и казаки не

владели достаточным земельным наделом, который бы удовлетворял установленной продовольственной норме в 50 дес. удобной земли на 1 м.д. (см.: [17, 44-45]).

В горной же полосе безземелье достигало еще больших размеров: при существующей продовольственной норме в 50 десятин в Осетии, например, на 1 м.д. в среднем приходилось 0,4 дес. пахотной земли, 1,4 дес. покосной, 0,6 дес. леса и 4,1 дес. составляли выгоны и пастбища, т.е. в целом 6,5 десятин (!). В Ингушетии и Чечне земельный дефицит был еще более острым: там на 1 м.д. приходилось в целом по 5,8 и 5,2 десятины соответственно. Из-за земельного дефицита в горах, таким образом, могло прожить лишь 12% наличного населения, а остальные 88% были избыточными. В среднем же в начале XX в. 65% всех селений Терской области являлись малоземельными [15, 27, 28; 17, 48-49; 18, 97-100, 166;]. Хроническое малоземелье наряду с перенаселением вытеснило часть жителей горной полосы в находящиеся в более благоприятных условиях плоскостные селения, где они оседали в качестве временнопроживающих, которые со своими семьями в административно-полицейском отношении приписывались к определенному населенному пункту. И уже к 1905 г., по сравнению с 80-ми гг. XIX в., число временно проживающих в плоскостных селах почти удвоилось [15, 33].

Но, несмотря на скученность и дефицит пригодных для хозяйственного использования земельных площадей, у местного населения в пользу переселенцев из Центральной России изымались «свободные» с точки зрения властей земли (т.е. не находящиеся в общинном пользовании пастбищные, луговые и лесные угодья), обращенные в казенное ведомство согласно утвержденному

14 июня 1888 г. мнению Государственного совета (см.: [19, 38]. Естественно, эти действия не могли не вызывать недовольства в горской среде, следствием которого становились длительные конфликты как между самой администрацией и местными народами, так и спонтанные, но довольно острые межэтнические столкновения (см., например: [20; 21]).

Надо сказать, что основания для будущих конфликтов были заложены еще в первой половине XIX в., когда не только плоскостные земли, находившиеся в хозяйственном обороте местных народов, отводились под строительство укреплений Кавказской военной линии и передавались казачьим поселениям, система которых сформировалась уже к середине столетия, но и горные селения, расположенные в стратегически важных пунктах, расселялись, а на их месте устраивались военные посты (см., например: [22, 110-111]). Еще в начале 30-х гг. XIX в. в Осетии вдоль линии Военно-Грузинской дороги были поселены сформированные в Малороссии конные полки, само присутствие которых в регионе, где только что, после особых карательных операций генерала И.Н. Абхазова (см.: [23, 372-373]), была учреждена система приставского управления, должно было служить весомым сдерживающим фактором. Кроме того, при наличии здесь казачьих станиц отпадала необходимость в Донских казачьих полках, присылавшихся для охраны дороги и недешево обходившихся казне. Казаки — жители станиц обязывались также оказывать содействие и обеспечивать всем необходимым (провиантом, транспортными средствами) проезжающие по дороге команды [24, 14]. Более того, тогда же, в 30-х гг. XIX в., в целях усиления линейных войск за счет казачье-

го сословия в него в массовом порядке переводились казенные крестьяне, что главноуправляющим Г.В. Розеном аргументировалось «слабым и ненадежным положением Кавказской линии со стороны неприязненных нам горских хищников...» [23, 826] И, разумеется, крепко устроенный «русский элемент» в новоприобретенной и недружелюбно расположенной окраине должен был служить надежной социальной опорой для государственных административных преобразований.

Со временем, в 1861-1880 гг., в Кубанской области было основано уже около 75 казачьих поселений, в Ставропольской губернии в 60-х гг. возникло 18 новых населенных пунктов, а в Терской области примерно за тот же период — 15 казачьих станиц [9, 95-96].

И в результате переселенческой политики правительства к началу XX в. «земельный вопрос» в крае приобрел уже особенную остроту, став самостоятельным мощным конфликтогенным фактором, обуславливавшим социально-политическую напряженность в регионе.

Но как бы то ни было, культуртрегерский потенциал русских переселенцев оказался в достаточной мере реализованным. Знакомство с новыми формами хозяйствования, приобщение к новой культуре производства-потребления, в конце концов, расширившееся географическое пространство обитания в связи с массовым переселением на равнинные земли заставляли горцев искать возможности удовлетворять «рождающиеся новые потребности», отделяя таким образом «факт от принципа, дело от убеждения» [25, 117]. Особые «успехи в смысле гражданственности» сделала Осетия, «усердно занявшаяся хозяйством... и многие плоскостные селения Тагаурии и Кур-

татии (осетинские общества. — Е.К.) поражают своим благосостоянием и порядком», — подчеркивали в региональной администрации [26, 66]. Уже в 60-х гг. начальник Осетинского округа полковник А.Ф. Эглау в своем отчете с удовлетворением отмечал: «Вообще следует сказать, что Осетинский округ находится в самых благоприятных условиях к развитию; народ трудолюбив, покорен, стремится к улучшению своего быта и начинает сознавать необходимость образования» [27, 33-33об.].

Говоря о значении переселенческого движения на Кавказе в конце XIX — начале XX в., исследователи приходят к выводу о позитивных в целом его последствиях, обусловленных появлением в крае переселенческой деревни, что привело к тесному переплетению судеб российского и местного крестьянства в хозяйственной, социально-экономической и политической сферах [8, 335-336]. С притоком русского населения началась бурная капитализация экономики Северного Кавказа, а казачья колонизация «быстро сменилась широким потоком переселенцев, которые хозяйственно приобщали Предкавказье к пореформенной капиталистической России» (цит. по: [8, 329]).

Но социальный смысл колонизации как одной из составляющих политики «русификации» имел и еще одно важное измерение, о котором необходимо упомянуть в контексте данной проблемы. Колонизация как особый социально-политический феномен обеспечивала перспективу «двойного расширения» Российской империи за счет разрастания «имперского ядра» путем присоединения окраин не только в территориально-административном, но и в социально-культурном аспектах [28, 130]. Исследователи отмечают, что колонизация — «это в конечном счете по-

пытка приведения мира в соответствие с тем идеалом, который присущ тому или иному народу. Причем идеальные мотивы могут порой преобладать над всеми прочими — экономическими, военными и другими» [29, 56]. Несмотря на то, что русские переселенцы (как казаки, так и обычные крестьяне) «не были ни убежденными агентами имперской власти, ни носителями “цивилизаторской” миссии, ни миссионерами» [30, 185, 188], они призваны были стать важной «третьей силой» во взаимоотношениях власти и местных сообществ, которая бы придала процессу колонизации имперское измерение. Идеологическая подоплека колонизационных задач заключалась в формировании «большой русской нации» (цит. по: [7, 137]) как политической целостности, идея кото-

рой, трактуемая правительственными идеологами как «национальная», в пореформенный период формулируется в виде нового правительственного курса на создание и поддержание «единства и неделимости» Российской империи с единым политическим ядром, окруженным окраинами (см., например: [31]).

И если поначалу такой духовной составляющей имперского комплекса, который несли с собой колонисты, служила идея православия, выступающая формообразующей силой, то со временем ее практически подавила эволюционировавшая в политическую идеологию идея «гражданственности» как общая национальная идея, выступавшая обоснованием целостности государства, его «единства и неделимости».

-
1. Потто В.А. Два века Терского казачества (1577-1801 гг.). В 2-х т. Владикавказ, 1912. Репринтное воспроизведение. Ставрополь, 1991.
 2. РГИА. Ф. 379. Оп. 1. Д. 162.
 3. Фадеев А.В. Очерки экономического развития Степного Предкавказья в до-реформенный период. М., 1957. С. 33.
 4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXXVIII. № 29682. С. 1301-1307.
 5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе (далее ПСЗ-II). Т. XXXVII. Отд. 1-е. №38256. С. 406-425.
 6. ПСЗ-II. Т. XLIII. Отд. 1-е. №45785. С. 473-474.
 7. Ремнев А.В., Суворова Н.Г. «Обрусение азиатских окраин Российской империи: оптимизм и пессимизм русской колонизации // Исторические записки. 2008. Вып. 11(129). С. 132-179.
 8. Исмаил-Заде Д. Из истории переселения российского крестьянства на Кавказ в конце XIX — начале XX в. // Исторические записки. 1977. Т. 99. С. 322-339.
 9. Кабузан В.М. Население Северного Кавказа в XIX-XX веках. Этностатистическое исследование. СПб., 1996.
 10. Численность народонаселения больших административных отделов Кавказского края в 1882 году и приблизительная плотность населения этих отделов // ИКОИРГО. Тифлис, 1884-1885. Т. VIII.
 11. Всеподданнейший отчет Начальника Терской области и Наказного атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1894 год. Владикавказ, 1895.

12. Кавказ в 1909 году: Краткий обзор деятельности правительственных учреждений Кавказского наместничества. Тифлис, 1910.
13. Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX — начало XX вв.). СПб., 1998.
14. Всеподданнейший отчет Начальника Терской области и Наказного Атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1891 год. Владикавказ, 1892.
15. Тедтоев А.А. Временнопроживающие крестьяне в Северной Осетии во второй половине XIX и в начале XX вв. Дзауджикау, 1952.
16. Статистический обзор Терской области за 1914 г. // Терский календарь. Владикавказ, 1915.
17. Мартиросиан Г.К. Социально-экономические основы революционных движений на Тереке. Владикавказ, 1925.
18. Труды комиссии по исследованию современного землепользования и землевладения в Нагорной полосе Терской области. Владикавказ, 1908.
19. Особое мнение члена Комиссии Тульчинского // Письменные заявления горского населения и объяснения комиссии. Владикавказ, 1909. С. 38. (В кн.: Труды комиссии по исследованию современного землепользования и землевладения в Нагорной полосе Терской области. Владикавказ, 1908.)
20. Джанаев А.К. Народы Терека в Российской революции 1905-1907 гг. Орджоникидзе, 1988.
21. Гатагова Л.С. Межэтнические отношения // Россия в начале XX в. / Под ред. акад. А.Н. Яковлева. М., 2002. С. 137-167.
22. Чудинов В. Окончательное покорение осетин // Кавказский сборник. 1889. Т. XIII. С. 1-122.
23. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис, 1878. Т. VII.
24. Бадов Ч.Р. Русскоязычное население в Осетии (середина XVIII — начало XX в.): Автореф. ... дисс. канд. ист. наук. Владикавказ, 2014.
25. Всеподданнейший отчет главнокомандующего Кавказскою Армиею по военно-народному управлению за 1863-1869 гг. СПб., 1870.
26. Всеподданнейшая записка Командующего войсками Кавказского военного округа и Войскового Наказного Атамана Кавказских казачьих войск по управлению округом с 1882 по 1890 г. СПб., 1890.
27. ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 5. Д. 319.
28. Горизонтов Л.Е. «Большая русская нация» в имперской и региональной стратегии самодержавия // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. М., 2001. С. 129-150.
29. Лурье С. Российская империя как этнокультурный феномен // Общественные науки и современность. 1994. № 1.
30. Брейфоглс Н. Контакт как созидание. Русские сектанты и жители Закавказья в XIX в. // Диаспоры. 2002. № 4.
31. Кэмпбелл (Воробьева) Е.И. «Единая и неделимая Россия» и «Инородческий вопрос» в имперской идеологии самодержавия // Пространство власти: Исторический опыт России и вызовы современности. М., 2001. С. 204-215.